

0656

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Люси Элис

КОРОЛЕВА МОИХ ГРЕЗ

Погори себе моту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Люси Эллис
Королева моих грез
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 656

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21615002

Л. Эллис. Королева моих грез: ЗАО «Издательство Центрполиграф»;

Москва; 2016

ISBN 978-5-227-07041-8

Аннотация

Российский нефтяной магнат неожиданно становится владельцем парижского кабаре, выиграв его в карты. Он уже решил для себя, что продаст это заведение, вызвав тем самым бурный протест коренных жителей. Однако рыжеволосая танцовщица Джиджи спутала ему все карты, и теперь им приходится скрываться от репортеров в Москве...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	20
Глава 4	34
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Люси Эллис

Королева моих грез

Lucy Ellis

Caught in His Gilded World

© 2015 by Lucy Ellis

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1

– Джиджи, немедленно слезай оттуда! Ты себе шею свернешь!

Крепко обхватив стройными ногами бархатный занавес, она повисла на двухметровой высоте и подтянулась на руках. Джиджи проигнорировала комментарий и, ослабив хватку, стремительно спустилась по толстому канату вдоль четырехметрового аквариума. Именно в этом аквариуме она сегодня будет плавать с двумя полусонными питонами, Джеком и Эдной. Если только ее до этого не уволят...

Лестница, которая облегчила бы ей спуск, была отставлена, но она привыкла скользить по канату. Она проделывала этот трюк с девятилетнего возраста в цирке отца. А теперь – самое трудное. Она крепко вцепилась в занавес и ступила на край аквариума. Снизу послышался вздох.

– Китаев пришел! – крикнула Сюзи, и началось настоящее столпотворение.

Пока другие девушки подкрашивали губы и поправляли бюстгальтеры, Джиджи спряталась за кулисами и осторожно выглянула. Внизу, среди пустых столов и стульев стоял человек, который держал их будущее в своих руках. Его окружали охранники, больше похожие на головорезов. Джиджи прищурилась: если ты самый ненавистный человек в Париже, неглупо иметь рядом таких отморожков.

Мужчина стоял спиной к сцене, но Джиджи могла с полной уверенностью сказать, что он скрестил руки на груди, потому что темно-синяя рубашка натянулась на мощных плечах и мускулистом торсе. Он выглядел так, будто зарабатывает на жизнь, разбивая кирпичи об головы.

– Джиджи, что ты видишь? Какой он?

Высокий. Худощавый, но мощный. И вдруг он обернулся.

Джиджи застыла. Она видела его фотографии в Интернете, но они совершенно не передавали истинного впечатления. Он выглядел так, словно сошел с корабля девятнадцатого века, только что вернувшегося из полярной экспедиции. Создавалось впечатление, что он буксировал корабль и ломал льдины собственными руками.

Борода и темные волосы закрывали большую часть его лица, но даже с такого расстояния она хорошо видела его высокие скулы и прямой нос. Глубоко посаженные карие глаза делали его похожим на кинозвезду. Джиджи покачнулась и вцепилась в борт аквариума.

Она обязана поговорить с ним и заставить его выслушать себя. Но он вряд ли станет ее слушать. Он выглядел так, словно собирался проглотить ее целиком. Инстинкт самосохранения подсказывал Джиджи, что умная девочка на ее месте скользнула бы обратно за кулисы и занялась своими делами.

– Что там происходит? – спрашивала Лулу, усевшись на перевернутый динамик и дергая Джиджи за лодыжку.

– Не знаю, – ответила Джиджи, – дай мне минуту. И хватит меня тянуть за ногу, Лулу Ляшалль, или я действительно упаду!

Лулу отпустила ее ногу, но гомон внизу не стихал.

– Ты же не обезьяна, Жи! Спускайся!

– Джиджи, что ты видишь? Это действительно он?

– Он такой же красивый, как на фотографиях?

Джиджи закатила глаза. По крайней мере, хотя бы Лулу, в отличие от остальных девчонок, понимала, что не стоит всерьез рассчитывать на этого мужчину. Они искренне верили, что богатый парень может осчастливить одну из танцовщиц и взять ее в мир роскоши и неограниченного шопинга.

Он настолько быстро повернулся в сторону аквариума, что ей даже не хватило времени подумать. Разумеется, было уже слишком поздно прятаться обратно за занавес. Он пристально смотрел на нее.

Джиджи показалось, что она с силой врезалась в стену. Внезапно в ушах у нее зазвенело, и она поняла, что балансирует на краю аквариума вовсе не так надежно, как ей казалось. Она испуганно ахнула, почувствовав, что соскользнула на несколько сантиметров. Мужчина продолжал смотреть на нее, словно пришел сюда именно за этим.

Джиджи соскользнула еще на сантиметр. Он нахмурился, когда она попыталась переступить поудобнее. В тот же момент она поняла, что окончательно потеряла равновесие и все, что она может сделать, – сгруппироваться перед паде-

нием.

Глава 2

Возможно, Халед так бы никогда и не узнал, что владеет этим небольшим зданием на Монмартре, если бы кто-то не достал список владений, принадлежащих русским, и не опубликовал их. Это прекрасно – скупать недвижимость в квартале Маре и на юге Ривьеры, но попробуй тронуть одно из парижских кабаре – и тебя возненавидит весь город.

Не то чтобы Халед обращал внимание на то, что думают о нем окружающие. Он, сын русского солдата и чеченки, рос среди людей, старательно избегавших его, и этот опыт закалил его и научил пользоваться кулаками, хотя теперь он использовал свою силу, научившись не принимать ничего на свой личный счет. Женщина, с которой он некоторое время встречался, называла это эмоциональной отстраненностью.

Отстраненность и внешнее равнодушие сослужили ему хорошую службу. Подчинись Халед своим эмоциям, скорее всего, его убили бы еще до того, как он достиг двадцатилетия. Там, где он вырос, – это обычное дело. Он рано повзрослел и выжил только благодаря этому. Именно поэтому его бизнес в Москве процветал. Он твердо знал, как добиться желаемого, и не позволял сантиментам брать верх над разумом.

Это делало его плохим кандидатом в мужья для женщин, которые с жадностью следили за тем, как растут на бирже

акции его компании. Не то чтобы он не интересовался женщинами – наоборот, он испытывал к ним здоровый интерес, как и всякий молодой мужчина, хотя вереница любовниц, сменявших друг друга, иссякла. И дело не в эмоциональной отстраненности: ему просто становилось с ними скучно.

Халед посмотрел вверх. Это еще что за черт?

Когда мужчина ступает на порог одного из самых известных парижских кабаре, он в первую очередь хочет увидеть танцовщиц, ставших почти легендарными. Длинноногие, полуобнаженные, манящие...

Но он смотрел вовсе не на них.

Конечно, в последние шесть недель он жил в палатках и юртах, мылся в реках и ел из котелков то мясо, которое сам смог добыть на охоте. Галлюцинация с участием женщины вполне могла стать результатом столь долгой изоляции, хотя он сильно сомневался, что его разум сейчас выкидывал такие шутки. Он мог поклясться, что только что увидел голые колени феи Динь-Динь, облаченной в купальник с леопардовым принтом и повисшей на верхней части огромного аквариума, в котором, как ему сказали, будет плавать полуобнаженная танцовщица с питонами.

Почти сразу после того, как он осознал увиденное, любопытная фея исчезла так же быстро, как и появилась. За ее исчезновением послышался грохот и женские возгласы.

– Не хотите посмотреть, что там случилось? – спросил он братьев Дантон, которые нервничали и обильно потели из-за

его неожиданного появления. Мужчины молчали.

– Девушки репетируют, – нервно сказал Мартин Дантон, как будто это все объясняло.

– Хотите посмотреть репетицию? – предложил Жак Дантон, пытаясь завладеть его вниманием, пожалуй, чересчур настойчиво.

Французы явно чувствовали себя не в своей тарелке, и было с чего. Халед подозревал, что их нервозность – вполне естественная реакция на то, что их шаткий бизнес будут рассматривать под микроскопом.

– Мои адвокаты будут сегодня на связи, – спокойно проинформировал он. – Я просто хочу взглянуть на то, как функционирует это место.

– Это же парижское заведение, господин Китаев! – подхватили они.

– Это тоже бизнес, – все так же спокойно говорил он, – а я хочу знать, как идут дела в любом моем владении.

Откровенно говоря, его бы сейчас здесь не было, если бы на прошлой неделе пресса не взорвалась нелепыми обвинениями: мол, он, как русская армия, марширует по Парижу, разрушая его прекрасные бульвары и топча французскую культуру. Превращает город в Москву-на-Сене.

И все потому, что он выиграл кабаре в карты!

И теперь, не рискуя передвигаться по городу без охраны, он был готов к продаже. Он назначил все встречи на первую половину дня, поэтому свободное время у него практически

закончилось.

Обаятельная девушка с копной каштановых кудряшек выглянула из-за занавеса.

– Жак, – позвала она.

– Что случилось, Лулу?

– Небольшое происшествие.

– Какое еще происшествие?

– Одна из девушек ударилась головой.

– Жижи... – пробормотал Жак и страдальчески наморщил лоб. Он извинился и скрылся за кулисами.

Халед смотрел на пустой аквариум, возвышавшийся на сцене. Он до сих пор не был уверен в том, что именно видел. Он шагнул в сторону сцены, и охрана безмолвно последовала за ним.

– Не думаю, что это хорошая идея, – запротестовал Мартин Дантон.

Если верить записям, братья Дантон управляли кабаре почти четырнадцать лет и, насколько мог судить Халед, поспособствовали его упадку. Он пробирался через джунгли реквизита, переступая через ящики и коробки, ныряя под провода и веревки.

Он увидел ее, распластанную на полу.

Жак Дантон полностью игнорировал ее, обратившись к миниатюрной брюнетке. Халед потеснил француза и поспешил к девушке на помощь.

Нагнувшись, он увидел, что, несмотря на то, что глаза ее

были закрыты, веки слегка подрагивали. Взглянув наверх, он оценил приблизительную высоту, с которой упала девушка. По его прикидкам, она не должна была слишком сильно пострадать.

У него за спиной хихикали и перешептывались двадцать с лишним девиц в облегающих трико.

Очевидно, что все было подстроено, чтобы заманить его за кулисы. Он посмотрел на рыжеволосую девушку: она все еще лежала в неестественной позе, но подрагивающие веки выдавали ее с головой. Халед осторожно оттянул пальцами ее веко.

– Вы меня слышите, мадемуазель?

– Ее зовут Джиджи. – Брюнетка присела на корточки рядом с ним.

Он был на Монмартре, в старом потрепанном кабаре, окруженный прелестными танцовщицами, которые родились в разных концах мира – от Сиднея до Лондона. Вряд ли хоть одна из них была француженкой. Конечно же ее зовут Джиджи.

Он не поверил в ее маленький спектакль ни на секунду.

Словно почувствовав его скепсис, она решила «прийти в себя»: распахнула голубые глаза, окруженные густыми золотыми ресницами. Их взгляды встретились, и он понял, что глаза ее не просто голубые – они бирюзовые, как воды Печорского моря, с которого он только что вернулся. Халед внимательно рассматривал ее лицо: изящный носик, полные

розовые губы, острый подбородок, огненно-рыжие волосы.

Он почувствовал, что в груди вдруг стало тесно, словно он получил удар под дых. Девушка приподнялась на локтях и внимательно смотрела на него своими удивительными глазами.

– Вы кто? – спросила она по-французски с певучим ирландским акцентом.

Он хотел спросить то же самое.

– Халед Китаев, – просто сказал он.

Девушки зашептались.

– Дамы... – добавил он.

Халед, не сводя глаз с Рыжей, протянул ей руку.

Джиджи профессионально падала с девятилетнего возраста, но это не спасло ее от удара головой и копчиком. В данный момент она видела две протянутых ей руки и не была уверена, которую из них взять.

– Вставай, – как гусь шипел на нее Жак.

Китаев сам взял ее за руку, без особых усилий поднял с пола и поставил прямо перед собой. Стены покачнулись перед взглядом Джиджи, и она поняла, что ноги ее плохо слушаются. Ей пришлось задрать голову, чтобы посмотреть на него: даже при ее немаленьком росте он оказался высоким. Он стоял слишком близко, и, о господи... он смотрел прямо на нее! И как смотрел!

Джиджи быстро заморгала, чтобы прояснить взгляд.

Иногда мужчина смотрит так, словно раздевает взглядом. Джиджи воспринимала это как профессиональный риск, хотя всем сердцем ненавидела такие взгляды. Иногда мужчины делали ей недвусмысленные предложения и намеки, но она научилась справляться и с этим тоже.

Однако этот мужчина вел себя совсем по-другому. В его взгляде не было похоти и жажды увидеть ее голой. Нет, там было нечто совсем иное. Она видела в его глазах решимость, что-то такое, чего ей никто и никогда не предлагал. Он собирался подарить ей наслаждение, которого она не испытывала прежде.

– Вы не можете этого сделать! – ляпнула Джиджи.

– Сделать что, милая? – спросил он с резковатым русским акцентом.

Девушки захихикали.

– То, что вы запланировали, – растерянно пробормотала Джиджи: они понимали, что говорят сейчас вовсе не о кабаре.

– На данный момент, – ответил он, не отрывая от нее взгляда, – я запланировал только ланч.

Громкий девичий смех заглушил бы любой ответ, но это было к лучшему: Джиджи отчетливо поняла, что его здесь совершенно ничего не интересует, и внезапно ощутила острый укол разочарования.

Ему не важно, что станет с этим местом. Да и девочек это тоже не слишком волновало. Правда, начнет волновать, ко-

гда они останутся без работы...

Но для Джиджи это была не просто работа. Здесь был ее дом.

Тоска, заполнившая сердце Джиджи при одной этой мысли, была самой настоящей. Это единственное место, в котором она чувствовала себя в безопасности после внезапной смерти матери, перевернувшей ее устоявшийся привычный мир.

Она продолжала жить с отцом до тех пор, пока не почувствовала, что готова перепрыгнуть через Ла-Манш сразу на сценические подмостки. Тогда ей казалось, что это – работа ее мечты. Хотя еще неделю назад на вопрос о ее работе Джиджи закатила бы глаза и пожаловалась на низкую оплату и паршивый инвентарь. Это вам не «Мулен Руж».

Но сегодня был не обычный день. Это был день, когда вся ее жизнь могла пойти прахом. Она не позволит этому случиться, ни за что на свете!

К тому же это не обычный заштатный театр. Здесь танцевали самые необыкновенные женщины: Мистингетт, Отеро, Жозефина Бейкер. Даже Лена Хорн пела на этой самой сцене! А потом была Эмили Фитцджеральд. Никто не помнил ее, она так и не стала знаменитой... Просто красивая женщина, одна из многих. Она танцевала на этой сцене пять лет. Ее мать.

Когда она забеременела от сладкоречивого испанца-шоумена Карлоса Валенте, то вынуждена была вернуться к сво-

ей семье в Дублин, и ее парижская мечта закончилась. Но с тех самых пор, как Джиджи научилась стоять, мать надевала на нее пуанты и подталкивала к сцене. Девочка выросла на рассказах о кабаре «Синяя птица».

Разумеется, когда она переступила порог этого кабаре в возрасте девятнадцати лет, ничего похожего на эти истории она не увидела. Но в отличие от других девушек, она была уверена, что «Синяя птица» еще вернет себе былую славу.

Джиджи работала на братьев Дантон. Она уже хотела внести кое-какие усовершенствования в программу... А теперь на ее пути встал этот человек.

Она задумалась, не зная, с чего начать. А потом вдруг осознала, что у нее кое-что есть. Она расправила свой выдавший виды спортивный бюстгальтер и вынула из него помятый листок бумаги. Это была распечатка из блога «Парижские танцовщицы», на который они с Лулу были подписаны. Джиджи подняла голову и увидела, что Китаев по-прежнему внимательно за ней наблюдает. Она знала, что сейчас выглядит отнюдь не профессионально, но вовсе не собиралась подкарауливать его за кулисами. Просто так получилось, что у нее оказалось с собой только это. Что поделать – бумага оказалась именно в лифчике.

– Что еще вы там держите? – спросил он бархатным голосом, в глазах искрилось неподдельное веселье.

– Ничего, – неуверенно сказала она.

Было что-то такое в его голосе, что заставило ее вздрог-

нуть. Девушки захихикали. Не обращая на них внимания, Джиджи протянула ему смятую страницу. Он взял листок, и она напряженно наблюдала за тем, как он читает. Сама-то она знала наизусть каждое слово.

«Париж всколыхнула новость о том, что российскому олигарху Халеду Китаеву, одному из богатейших людей мира моложе сорока лет, по данным «Форбс», повезло в игре в покер.

Китаев, чье состояние сколочено на нефти, имеет различную собственность по всему миру. Европейские бизнес-обозреватели пишут, что он буквально сметает все на своем пути, и этот самый Китаев теперь владеет одним из самых известных парижских кабаре.

И это не просто театр, это одно из старейших кабаре на Монмартре, «Синяя птица». Очаровательное, старомодное кабаре – но долго ли продлится теперь его существование?

Судя по реакции СМИ, французы просто так это не оставят».

Китаев одним движением скомкал лист бумаги, в мгновение превратившийся в маленький шарик в его широкой ладони.

– Что вы хотите узнать? – прямолинейно спросил он, но Джиджи это не обмануло.

Его глаза были холодны как лед, и в них читалось предостережение. Джиджи уверяла себя: слова, которые он прочи-

тал, ей не принадлежат. Но она хотела, чтобы он знал: она согласна с этим мнением. Самым разумным сейчас было бы вежливо поинтересоваться, не предвидится ли в театре серьезных изменений, которые могут отразиться на их работе.

Только тогда она заметила, что Китаев разглядывает ее. Это было не слишком очевидно, но она всем телом ощущала его взгляд, и у нее тут же предательски затвердели соски. Вместо того чтобы сохранять благоразумие, она вышла из себя и решила пойти ва-банк.

– Мы хотим знать, не собираетесь ли вы превратить наше кабаре в филиал «Бешеной лошади»?

Глава 3

Мартин Дантон застонал. Его брат выглядел так, будто готов был сию же минуту вышвырнуть Рыжую вон.

– Не знаю, – ответил Халед, не сводя с нее глаз, – я никогда не был в «Бешеной лошади».

Он заметил, как она закатила глаза и упрямо поджала губы. Его кулак сильнее сжал проклятую бумажку, и Джиджи нервно сглотнула.

– Жижи, прекрати, – перебил ее Жак Дантон. – Достаточно.

– Я думаю, мы имеем право знать, – возразила она. – Это наша работа.

Халед был бы более впечатлен, если бы не подозревал, что она действует по заранее продуманному плану, разработанному вместе с Дантонами.

– На данный момент ваша работа остается за вами, – отрывисто бросил он, потому что это было именно так. – Сегодня. А завтра, возможно, и нет.

– Прекрасно! – воскликнул Жак.

– Я спрашивала не об этом, – перебила Рыжая и подняла на него свои изумительные глаза.

Она смотрела открыто, бросая ему вызов. Он понял, что, в отличие от босса, ее саму не так легко провести. На какой-то момент он допустил мысль, что это не заранее продуманный

спектакль и девушка действует в одиночку.

– Мы не стриптиз-клуб, господин Китаев, и нельзя просто так взять и разрушить...

Она вздохнула, и Халед увидел, как боль исказила точечные черты ее лица. Джиджи быстро взяла себя в руки, а он гадал, что же такое он мог, по ее мнению, разрушить.

– Разрушить душу театра. – Она покачала головой.

– Мне не говорили, что у театра есть душа.

Девочки снова засмеялись. Она растерянно оглянулась, не найдя поддержки, и неожиданно в нем шевельнулось сочувствие.

– Никто не собирается заставлять вас раздеваться, – раздраженно бросил он.

Черт, он не имел ни малейшего понятия, что делать с этим местом! Оставить все как есть, пусть театр и дальше катится в пропасть? Его растерзает любой парижанин, если он вздумает закрыть кабаре. Ему крупно повезет, если удастся продать его.

Однако Рыжая, кажется, искренне считала, что тут есть что сохранять.

– Девушки, довольно. – Жак Дантон громко захлопал в ладоши, и танцовщицы начали расходиться. – И ты тоже, Жижи. – Он повысил голос.

Она явно разрывалась между тем, чтобы сделать, как было сказано, и продолжать расспросы, но Халед сразу понял, что она не станет противоречить своему боссу.

Только ему.

Девушке придется непросто: у него был большой опыт противостояния промышленникам, депутатам из Думы, московским бандитам. С другой стороны, у них у всех не было таких изумительных бирюзовых глаз и сексуального тела.

Джиджи была далеко не самой красивой девушкой за кулисами, однако только от нее он не мог оторвать глаз. Что-то особенное было в ее лице и врожденной сексуальности, о которой она, кажется, сама не подозревала.

Жаль, что она танцует здесь...

И очень жаль, что он улетает уже завтра.

Другая танцовщица – маленькая хмурая брюнетка – подошла к Рыжей и взяла ее под руку. Она бросила на него неодобрительный взгляд и потянула подругу за собой. Умная девушка. Рыжая... Джиджи... бросила на него взгляд через плечо, прежде чем затеряться в толпе танцовщиц. Делать ему тут было уже нечего, но он продолжал всматриваться в толпу, выискивая в ней ярко-рыжие локоны, исчезающие в хитросплетении коридоров «Синей птицы».

Этим вечером в гримерной было более шумно и оживленно, чем обычно перед выступлением. Халед Китаев был единственным предметом обсуждения.

– Говорят, что русскую супермодель Александру Дашкову закатали в ковер, как мумию, доставили в его гостиничный номер в Дубае и раскатали передним как военный трофей.

Сплетню встретили ахами и охами, и даже Джиджи замерла, не донеся накладные ресницы до своего века.

— Девочки, у нас нет шансов, — застонала Адель, когда объявили выход Сюзи, и тесная гримерка наполнилась новыми вздохами и сплетнями.

— Это правда. — Соланж с удовольствием разглядывала в зеркале свою грудь, облаченную в корсет со стразами. — Я завтра иду с ним выпить после шоу.

Рука Джиджи дрогнула, и искусственные ресницы скатились по ее щеке.

— Класс, — проворчала себе под нос Лулу, наклонившись к Джиджи, чтобы вытереть кляксу с ее щеки. — Готова поспорить, что она переспит с ним, оставив остальных с носом, — проговорила она одними губами.

Среди танцовщиц «Синей птицы» существовало негласное разделение. Танцовщицы, которые принимали приглашения от голливудских звезд и рок-музыкантов, посещавших кабаре, и те девушки, которые после выступления разъезжались по домам на бесплатном автобусе.

Бесплатные автобусы организовала Джиджи после того, как несколько девушек жаловались, что им страшно возвращаться домой по ночам, особенно учитывая близость квартала «красных фонарей». Так что теперь трансфер стал обычным делом.

Джиджи и Лулу никогда не пропускали автобус, а Соланж принимала каждое предложение, которое ей делали. Види-

мо, это приглашение она тоже приняла.

Джиджи говорила себе, что в этом нет ничего плохого. Ее беспокоило только то, что она не ошиблась в планах Китаева относительно их. Она открыла крышку саквояжа с гримом.

– Бедная Жи, – сказала Леа, чем насторожила Джиджи, поскольку в ее голосе не было ни капли жалости. – Наделала столько шума, и все зря.

– Ничего не зря, – встала на ее защиту Лулу.

Нет, зря, подумала Джиджи. Зря она надеялась, что Китаев возьмет на себя ответственность за кабаре. А теперь «Синяя птица» находится в серьезной опасности.

Неужели все думают, что она сделала это специально? Вот черт!

Ей было все предельно ясно с этим мужчиной. Она пролистала в Интернете список его собственности, проверила на различных сайтах, но по-прежнему не могла понять, как он сколотил свое состояние. Изначально он был нефтяником, но, как оказалось, это далеко не единственное, чем он занимался. Темная лошадка, решила она.

– Как думаете, что с нами станет? – спросила Трикси, одна из самых молодых артисток. – Думаете, он попытается что-то изменить, исправить? Может, все не так уже плохо, Джиджи. – Ее голос звучал оптимистично.

Нет, все было гораздо хуже. Джиджи не хотелось разочаровывать ее, но они должны посмотреть фактам в лицо. Она встала в середине гримерной.

– Не могли бы вы уделить мне минуту внимания? – Несколько девушек посмотрели в ее сторону, но шум не унимался. Джиджи повысила голос. – Может, вы посмотрите сюда на минуту, вместо того чтобы обсуждать его сексуальную жизнь?

На словах «сексуальная жизнь» в ее сторону повернулось еще несколько голов, а уровень шума стал заметно тише.

– Китаев владеет множеством игорных заведений по всему миру – Джиджи сделала паузу, чтобы привлечь внимание. – Вы подумали о том, что это может означать для нас?

– Ага, – сказала Ингрид, – повышение зарплаты.

Ее комментарий встретили взрывом смеха.

– Расслабься, Джи, – посоветовала ей другая девочка и дружески похлопала ее по плечу.

– Она не может! Она так долго провисела на занавесе, что чуть не сломалась пополам, когда упала со своего аквариума, – едко заметила Сюзи.

– Джиджи просто злится, потому что ее трюк не привлек его внимания, – пропела Миа на всю гримерку.

Девушки по-доброму рассмеялись.

Джиджи знала, что ей необходимо вернуть разговор в нужное русло, потому что теперь Сюзи начала рассуждать: какой толк быть танцовщицей, если не пользуешься главной привилегией – богатыми мужчинами.

– Дело в том, что никто не должен встречаться с Китаевым! – прервала ее Джиджи. – Не нужно его поощрять.

Смех стал только громче, даже Лулу сочувственно посмотрела на нее. Джиджи с отчаянием подумала, что Китаев одержит верх.

Дверь примерки распахнулась.

– Дамы, угадайте, кто пришел! – объявила Даниэла, одетая в сверкающий костюм. Девушки зашебетали от волнения. – Не Китаев, – разочаровала их она. Щебет поутих. – Девочки, там его охрана. Все русские богачи сегодня в зале, я уж не говорю о селебрити с Недели высокой моды, журналисты толпятся у порога. Я сейчас упаду в обморок!

– Смотри, Джиджи, – перекрикивала гомон Лулу, – может, все не так уж плохо в конечном итоге?

– Значит, он прислал своих дружков, – проворчала она. – Одна ночь недели не сделает. Мы просто в новинку для скупающего, избалованного женским вниманием, наглого...

Но ее лучшая подруга уже подбежала к выходу с другими девочками. Они дружно волокли за собой двухметровые перьевые хвосты, привязанные к талии, для первого выхода на сцену. Вздыхнув, Джиджи поспешила за остальными.

Нельзя пренебрежительно относиться к посетителям, учитывая, что они регулярно выступали перед полупустым залом, а этот год был самым неудачным.

Халеду Китаеву не было ни малейшего дела до кабаре. Он не станет сохранять театр и их рабочие места. У него нет личной заинтересованности, он выиграл кабаре в карты! Все, что его волновало в данный момент, – танцовщицы. Первой

оказалась Соланж, но Джиджи с легкостью смогла представить, как он выбирает одну за другой девочек из труппы.

Джиджи прошуршала по полу своим тяжеленным плюмажем из перьев, как и остальные девочки. Представление начиналось.

– Мадемуазель?..

– Валенте.

– Мадемуазель, я боюсь, что не могу дать вам информацию, которую вы ищете. Наш отель ценит право наших гостей на частную жизнь и конфиденциальность.

Консьерж профессионально ей улыбнулся. Только французы могут добавить в свою улыбку некий намек на превосходство.

Джиджи знала, что ирландский акцент ей только помешает. Надо было взять с собой Лулу, которая была наполовину француженкой. Ее карие глаза, как у Одри Хепбёрн, и деликатная женственность заставляли мужчин терять голову и мчаться ей на помощь. Джиджи всегда рассчитывала только на себя и, пожалуй, чересчур много смеялась, что всегда задвигало ее на второй план.

Придется работать с тем, что есть. Этим утром Джиджи покидала квартиру в такой спешке, что даже не накрутила волосы, лишь успела наскоро вымыть голову, и теперь с еще влажными и растрепанными волосами она скорее напоминала выдру.

– Но как мне с ним связаться? – снова попыталась она.

– Мадемуазель может попробовать позвонить.

– Вы дадите мне его номер?

– Нет. Я предполагал, что вы его и так знаете, – ведь вы сказали, что он ваш друг.

– Ну, вообще-то мы не совсем друзья, – начала увиливать Джиджи. Она терпеть не могла ложь и недомолвки, поэтому решила сказать правду. – Я его сотрудница. Я танцовщица из «Синей птицы».

Впервые консьерж посмотрел прямо на нее, а не куда-то в район ее плеча.

– Вы танцовщица?

Она расслабилась. Танцовщицы нравятся всем.

– Да, месье.

– Значит, это правда? Варвар у ворот?

Какой варвар? Какие ворота? Джиджи понадобилось несколько секунд, чтобы понять. Она вспомнила, что большинство парижан в ужасе от «иностранного захватчика» Китаева. Призвав на помощь свой талант к лицедейству, она театрально вздохнула.

– Боюсь, что так.

– Господи, храни Францию!

Джиджи старалась не показать своего удивления. Учтывая, что под угрозой была именно ее работа, ей было немножко странно, как близко к сердцу принимают парижане смену владельца «Синей птицы».

Возможно, если бы эти простые люди вместо того, чтобы просто возмущаться, пришли на представление, у кабаре появился бы шанс на спасение. Обвинять нового хозяина во всех грехах – даже если он был русским олигархом с сомнительными намерениями – было не совсем справедливо.

Джиджи, не колеблясь, воспользовалась своим преимуществом.

– Именно. Теперь я могу узнать, в каком номере он оставался?

– Нет, – с сочувствием посмотрел на нее консьерж.

Джиджи не стала давить на него. Она развернулась, опустив плечи: как ей теперь оставить для него сообщение, хотя он вряд ли его прочтет...

Но тут все изменилось: Халед Китаев только что вошел в вестибюль отеля.

Он уткнулся в свой телефон, и это дало Джиджи время, чтобы собраться. Хотя его тело излучало такую агрессию, что она на мгновение засомневалась.

Когда он направился в сторону Джиджи, она застыла. Темные непослушные волосы, аккуратная борода, обрамлявшая привлекательное лицо, лишь усиливали его природную мужественность. Женщины поворачивались в его сторону, как по команде. Ни один из присутствовавших в лобби отеля мужчин не производил такого впечатления.

Нужно обладать немалым мужеством и уверенностью в себе, чтобы появиться в холле роскошного парижского отеля

в спортивных брюках и серой футболке с надписью кириллицей. Но, как ни странно, Китаев выглядел абсолютно органично, это все остальные казались чужеродными.

Он шел прямо к ней. Прятаться было некуда. Она сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

Он оторвал взгляд от своего смартфона и посмотрел на консьержа. Весь персонал отеля, находившийся неподалеку, вытянулся по струнке. Халед опустил телефон от своего уха и попросил доставить в его номер два абсолютно новых ноутбука последней модели.

– Оползень? – прорычал он в трубку. – В этом месте оползни случаются по десять раз на дню. Найдите бульдозер и расчистите этот чертов завал!

Джиджи наблюдала за ним со все возрастающим интересом. Он облокотился на стойку ресепшн, и она вздрогнула, потому что оказалась так близко, что могла прикоснуться к нему. Она была рада, что не сделала этого: он так громко рывкнул что-то по-русски своему оппоненту, что Джиджи струсилa. Возможно, сейчас не самое подходящее время.

Халед стукнул кулаком по первой попавшейся под руку поверхности. Он просто не мог поверить в происходящее! Поселковый совет отменил встречу, геодезист не может при-слать отчет из-за оползня. Не он же надоумил клан старейшин воткнуть динамит в откос и обрушить половину горы на шоссе. Прошло два года, а он так и не приблизился к успеху.

Нет дороги – нет курорта.

Сколько людей он успел отправить в ущелье, чтобы объяснить местным старожилам, какие преимущества принесет новая инфраструктура. Любая инфраструктура в этом месте, где мужчины до сих пор загоняют овец верхом на лошади. Результат был всегда один: первоначальное соглашение, составление новых контрактов, а в последнюю минуту что-то обязательно случается!

Когда Халед разговаривал с кланом старейшин, он стоял, сложив руки на груди, в низкой темной комнате, служившей местом переговоров в городе, и отказывался хоть как-то реагировать.

Он вспомнил глаза отчима, узкие, как щелочки, и лошадиную сбрую в его руках, которой он избивал Халеда. Можно подумать, от этого он перестал бы быть сыном другого мужчины.

Не выдержав жестокости своих воспоминаний, Халед, не говоря ни слова, вышел на солнечный свет, прыгнул в свой грузовик и уехал из долины. Его последний разговор с советом состоялся, когда он пролетал над Печорским морем, осматривая нефтяную платформу.

Где твой дом? Где твоя жена, твои дети? Как только эти вещи станут правильными в твоей жизни, тогда и поговорим.

Другими словами – уважай наши обычаи, тогда мы прислушаемся к тебе.

Обычаи... Он был современным человеком, он сделал

свое состояние в современном мире, он не собирался вступать в эту старую как мир игру.

Он отвернулся от стойки и задел локтем чью-то округлую, упругую...

– Ой!

Он посмотрел вниз на голубые глаза, окруженные рыжими, словно покрытыми золотом ресницами. Брови были нахмурены, глаза впились в него, как прожекторы.

– Вы? – сказал он, прочистив горло.

– Да, я. – Ее низкий голос с мягким акцентом был как ирландский виски – весьма неожиданно для такой миниатюрной и молодой девушки. Она аккуратно массировала ту область на груди, куда он ее, по всей видимости, толкнул.

– Простите меня. – Он опустил взгляд, но увидеть смог немного, учитывая, что руку она держала под жакетом.

Вчера, когда она вытаскивала из декольте тот гнусный пасквиль, он краем глаза успел заметить ее фиолетовый бюстгальтер и краешек молочно-белой груди с едва заметной россыпью веснушек. Эти веснушки до сих пор не давали ему покоя.

Сегодня на ней была надета розовая футболка, которая закрывала все, что только можно, джинсы и синий шерстяной жакет. Она расплела косу, и теперь ее медные волосы водопадом струились по плечам. Чертовски сексуально.

Джиджи наблюдала, как он уходит, не сказав ей больше ни

слова. Она постаралась не обижаться. Она ожидала, что все будет непросто. В конце концов, она не такая сексуальная, как Соланж; кто знает, что она ему предложила? Джиджи могла предложить только листовки и презентации.

Тем не менее Джиджи последовала за ним. Она перекинула рюкзак на одно плечо и порылась внутри в поисках листовки в стиле ретро, которую она принесла, чтобы показать ему. Эта листовка – свидетельство того, каким потрясающим местом когда-то была «Синяя птица», и кабаре снова может таким стать.

Халед видел, как серьезно она была настроена. Он даже подумал, что мог бы поговорить с ней.

Она была прямо за его спиной, когда он почувствовал какое-то движение в воздухе позади себя, и уже во второй раз за минувшие дни Джиджи оказалась на полу с ощущением, что из нее вышибли весь воздух.

Глава 4

– Не двигайтесь, – буркнул мужской голос.

Джиджи даже и не думала двигаться. Ей казалось, что она больше никогда не сможет пошевелиться. Она была слишком оглушена своим падением и поэтому просто лежала на спине.

Она начала хоть как-то реагировать, только когда ее поставили – причем не очень-то нежно – на ноги. Она покачнулась, когда кровь снова прилила к ее голове, и ее аккуратно поддержали за талию. Джиджи слегка повело в сторону, и она уперлась лбом и носом в мускулистую мужскую грудь.

Джиджи осторожно подняла голову и посмотрела прямо в его карие глаза. Весь мир сжался, и остались только его ровное сердцебиение и ее прерывистое дыхание.

Он что-то говорил ей, но она словно была под толщей воды. Все, что она могла понять, – что никто на нее не нападал, а крепкие мужские руки защищают ее. Тогда она увидела гориллу, которая сбила ее с ног и вырвала из рук рюкзак. Джиджи мгновенно напряглась и попыталась вырваться.

– Это мое! Верните мои вещи! Вы не имеете права трогать мои вещи!

Она сделала попытку рвануть на охранника, но Китаев удержал ее за локоть.

– Успокойся.

Не собирается она успокаиваться! Когда ее вещи потрошили в прошлый раз, на ее запястьях защелкнулись наручники, и ей пришлось провести ночь за решеткой.

Джиджи вырывалась изо всех сил, но он был сильнее. Она выдернула свой локоть и ударила его в грудь. В отличие от ее собственной груди, под ее локтем не оказалось ничего мягкого и нежного – только литые мускулы.

– Достаточно!

Она перестала вырываться, и через какое-то время он отпустил ее. Джиджи откинула волосы с лица и гордо вздернула подбородок. Очень профессиональное поведение, ничего не скажешь!

– Господин Китаев, у вас проблемы? – сдержанно спросил консьерж, с которым Джиджи совсем недавно говорила. Он материализовался рядом с ней, и Джиджи внутренне жалась.

Халед смотрел на Рыжую. Она смотрела на него так, словно он собирается бросить ее на растерзание голодным львам.

– Никаких проблем. Просто небольшое недоразумение.

– Конечно, сэр, всякое бывает. Но юная леди...

– Мадемуазель Валенте, – ровно сказал он и впервые взглянул на нее, – моя гостья.

– Я вас понял.

– Моя служба безопасности не узнала ее и слегка переусердствовала. Прошу, извинитесь за меня перед постояльцами.

– Все в порядке, господин Китаев. – Консьерж продолжал с любопытством посматривать на Рыжую.

Теперь, когда все смотрели в ее сторону, Джиджи собралась и взяла себя в руки.

– Так и есть, – храбро сказала она. – Я пришла, чтобы поговорить с ним.

«Он», между прочим, был на данный момент самым высокопоставленным гостем отеля.

Халед ожидал, что персонал по-тихому ретируется, но консьерж задержался.

– Вы уверены, мадемуазель?

Беспокойство исчезло с лица Джиджи, когда она поняла, что консьерж предлагает ей путь к отступлению, а вовсе не выгоняет вназад.

– Да, благодарю, – медленно кивнула она, скосив взгляд на свой рюкзак.

Халед легонько встряхнул его. Что она в нем носит? Королевские сокровища? Ядерное оружие? После небольшого представления, которое она устроила, его ничего бы уже не удивило.

– Вы не ушиблись?

– Нет, – фыркнула она, оглядываясь по сторонам, словно ожидая нового нападения. – Хотя ваши зомби постарались.

– Телохранители. – Джиджи моргнула. Она не была уверена, что правильно поняла значение этого слова. – Они обеспечивают мою безопасность.

– Зачем?

– Зачем? – Халеду нечасто задавали этот вопрос. Обычно его называли «сэром» и предпочитали поскорее убраться с его пути. – В моей сфере деятельности это обычное дело.

– Хм... – с сомнением протянула она. – Тогда вам стоит держать их на поводке.

Мужественно борясь с желанием от души расхохотаться, Халед пробормотал:

– Я прошу прощения. Это было непростительным нарушением ваших прав.

– Звучит не слишком искренне. – Джиджи с подозрением посмотрела на него. – Полагаю, вы сейчас надо мной просто потешаетесь. Отец всегда говорил, что мне достаточно нацепить красный поролоновый нос, чтобы получить работу.

– Большинство отцов считают своих дочерей принцессами, – нахмурился он.

Джиджи вспомнила, как семнадцатилетней девушкой танцевала в костюме из воздушных шаров с пятью другими девочками, пока ее отец чистил карманы зрителей. Трудно назвать это сказкой.

– Мой отец воспитывал меня для жизни в реальном мире, – пробормотала она, снова взглянув на свой рюкзак. Интересно, ей его вообще собираются отдавать?

– Я так понимаю, это ваше? – проследив за ее взглядом, Халед протянул ей рюкзак.

Она изо всех сил старалась не показывать своего нетерпе-

ния, но не смогла удержаться и прижала рюкзак к груди.

– Значит, с вами постоянно происходит нечто подобное? Телохранители выскакивают из-за угла и сбивают людей с ног?

– Вы шли в мою сторону и что-то доставали из своего рюкзака.

– А в чем проблема-то? – нахмурилась она.

Халед сложил пальцы в виде пистолета и сделал вид, что нажимает на курок. Джиджи нахмурилась еще сильнее.

– Оружие, – пояснил он.

– Оружие? – Она повысила голос. – Они думали, что у меня пистолет?

Проходящая мимо пара покосилась в их сторону, и Джиджи прикусила язык. Халед старался не улыбаться.

– Не вижу ничего смешного.

– Да я и не смеюсь.

– Я пришла не для того, чтобы вас пристрелить, а чтобы поговорить о кабаре.

Повисло неловкое молчание: он просто стоял и смотрел на нее. Джиджи предприняла еще одну попытку.

– Я понимаю, это странно, но, поскольку мы уже встречались, я подумала...

– Я помню, как ты лежала на полу.

У Джиджи мелькнула мысль, что, если бы она сейчас лежала на полу, он бы запросто переступил через нее.

Она рассмотрела все варианты: прошлой ночью они с Лу-

лу обсудили их все. Она решила, что лучше всего будет собрать все материалы об истории кабаре и его былой популярности и выложить перед ним свои идеи.

– Я рада, что вы меня помните, – излишне жизнерадостно сказала она. – Понимаете, я говорю от лица труппы.

– И что же вы говорите? – Он мельком взглянул на часы. Она теряет его!

Только сейчас Джиджи заметила, что он выглядит не так солидно, как вчера: спортивные брюки, футболка, пара дорогих кроссовок.

– Вы собирались на пробежку? – спросила она с ноткой отчаяния в голосе.

– Да, – отрывисто бросил он. – Ты пришла, чтобы помочь мне в этом?

– Я для этого не совсем подходяще одета.

Джиджи говорила в пустоту: он уже направлялся в сторону двери. Прихватив рюкзак, она направилась за ним.

– Дело в том, – продолжала она, стараясь не отстать и обратить на себя внимание, – что мы действительно беспокоимся о своих рабочих местах, господин Китаев. Я понимаю, что пришла не вовремя и вы имеете полное право указать мне на дверь. Я подумала, что могла бы показать вам кое-что. Это помогло бы вам понять, что представляет собой наше кабаре.

– Что именно ты хотела показать? – спросил он, не замедляя шаг.

У нее были листовки и презентации, но для этого нужен был как минимум стол, но он продолжал идти, не останавливаясь.

— Много всего. — Она постаралась вложить в свой ответ побольше энтузиазма.

Китаев резко затормозил, и Джиджи врезалась в его спину. Она подняла глаза и нервно сглотнула. Он смотрел на нее сверху вниз так, что ей захотелось с ног до головы закутаться в одеяло, очень толстое одеяло. Возможно, даже огнеупорное...

О господи...

— Вот что я тебе скажу, Рыжая. Могу я называть тебя Рыжей?

Рыжей? Seriously?

— Э-э-э... Да, конечно.

— Ты говоришь, я слушаю — если будешь за мной поспевать.

— Поспевать? — спросила она.

— Ты сможешь бегать в этом?

Джиджи посмотрела на свои ноги.

— Полагаю, что да...

Но когда она подняла взгляд, он уже шел впереди. Китаев уверенно побежал по тротуару в сопровождении своих горилл.

— Но я не хочу бегать! — окликнула она, не осознавая, что уже бежит за ним.

Бежать было непросто, потому что рюкзак хлопал ее по спине, как метроном. На проспекте было многолюдно, и Джиджи едва не столкнулась с державшейся за руки парочкой. Она стремительно прыгнула в сторону и угодила ногой прямо в лужу, забрызгав свои джинсы.

Видимо, слово с делом у Китаева не расходилось, и Джиджи невольно его зауважала. Человеку, который делает то, что обещает, можно доверять. Она надеялась, что сможет с ним договориться. Если сумеет его догнать.

Она хоть немного сравнялась с ним, когда он свернул на Елисейские Поля.

– Господин Китаев! – заорала она.

К ее облегчению, он замедлил бег.

– Не могла бы ты не орать мое имя на весь Париж? – поинтересовался он, когда они наконец поравнялись.

– Конечно. Извините.

– Значит, ты бунтарка?

– Не совсем. – Она с беспокойством взглянула на него.

– Вчера ты продемонстрировала нестандартный подход.

– Какой подход? Я к вам вчера не подходила.

– А прыжок с аквариума?

– Я не прыгала с аквариума, чтобы привлечь ваше внимание.

– Ну конечно...

– Я бы не стала рисковать своим позвоночником. Я не настолько глупа!

– Хорошо, – сказал он по-русски.

Джиджи по-русски не понимала ни слова, но уловила контекст. Он ей не поверил.

– Послушайте, я не устраиваю глупых диверсий, чтобы привлечь мужское внимание!

Он вытянул вперед руку, останавливая ее на перекрестке.

– Маленький совет, – сказал он, глядя по сторонам, чтобы перейти дорогу. – Не надо слишком сильно зажмуривать глаза. Просто закрывай веки, иначе они начинают заметно дрожать. Ты себя выдала.

Что он имел в виду? Этот человек безумно ее раздражал всем своим видом: глубокими глазами, длинными угольно-черными ресницами, острыми скулами.

– Ничего они не дрожали! Когда это такое было?

Он имел в виду ее падение с аквариума. Не думает же он... Черт возьми, да она же была практически в контузии!

– Еще как дрожали! – Он убрал руку и двинулся дальше. – Еще и футболка задралась. Хотя должен отдать должное твоим активам.

– Моим активам? В каком это смысле?

Он направился через дорогу.

Джиджи посмотрела на свою грудь. Он же не это имел в виду, правда?

– Эй! – крикнула Джиджи, догоняя его. – По-моему, вам не стоит говорить мне такие вещи.

Хотя мужчины порой говорили вещи и похуже. В ее про-

фессии нужно иметь толстую кожу. Если он заставляет ее бегать по парижским улицам, мог бы быть с ней и повежливее. Ей было нелегко бежать даже в кроссовках. Хуже того, у нее на ступнях были жуткие мозоли поверх старых мозолей из-за того, что она танцевала прошлой ночью в новых туфлях на четырехдюймовых шпильках.

Попробовал бы давать два выступления в день на высоких каблуках, шесть дней в неделю, сорок недель в году в течение пяти лет. Она бы посмотрела, как ему после этого понравится бегать по жесткому асфальту.

Она споткнулась и едва не врезалась в пожарный гидрант, а потом отскочила от маленькой собачки на поводке.

Глупые парижане с их дурацкими шавками!

Когда Джиджи догнала Китаева, она уже задыхалась.

– Я просто стараюсь представлять труппу...

– Зачем? Чего хочет труппа?

Джиджи взглянула на него: он даже не вспотел. Это несправедливо!

– Возможность... Шанс проявить себя. И повышение жалованья!

Джиджи надеялась, что ей не придется приплетать к разговору Соланж. Честно говоря, ей было ужасно неловко. Но, учитывая тот факт, что вчера вечером он так и не появился в кабаре и явно не собирается туда сегодня, Джиджи ломала голову, как он успел подцепить Соланж. Правда, ей уже приходило в голову, что она могла и наврать, ей это не впервой.

Чтобы продвинуться вверх, многие девушки делали то, что ни Джиджи, ни Лулу делать бы не стали. Разве что жизнь совсем припрет к стенке. Лулу могла долго рассуждать на эту тему. Джиджи задалась вопросом: а как бы поступила Соланж?

С одной стороны, она точно не шлепала бы по асфальту, натирая новые волдыри на многострадальных ступнях. Не то чтобы Соланж хватало ума понять, что их рабочие места под угрозой, нет. Все, что она видела, – это богатого, сексуально привлекательного мужчину, и она просто хотела урвать свой кусок.

Интересно, получила она этот кусок или нет?

Джиджи смотрела на его широкую спину, мускулы переливались под тонкой футболкой при размеренном беге. Ей не составило труда представить, как эти мускулы движутся во время чего-то более интимного, требующего мастерства и ритмичных движений...

Господи, о чем она только думает!

Что с ней происходит? Его сексуальная жизнь ее совершенно не касается!

Тяжело вздохнув, она остановилась. Все бесполезно, он ее не слушал. Он просто забавлялся ее стараниями, а она позволила ему себя впутать в эти шуточки. Ничего нового.

Джиджи опустила плечи. Она не видела никакого смысла продолжать.

Она не сразу поняла, что он повернул назад. Он двигался,

как хищный зверь, обманчиво непринужденно, сквозь толпу людей. Когда он подошел к Джиджи, он смотрел на нее так, словно она была единственной женщиной на этой улице. Дурочка! Он же растерзает ее на части, если она не будет осторожна.

Он бегал кругами вокруг нее, заставляя все время поворачиваться, чтобы посмотреть на него.

– Что именно ты собираешься делать, чтобы получить повышение жалованья, Рыжая?

– Танцевать, – нахмурившись, сказала она.

– Хорошо, – сказал он и снова рванул вперед.

Джиджи побежала следом.

Теперь он бежал медленнее, его внимание было приковано к ней. Может, она наконец-то заставит его слушать?

– И когда ты начнешь раздеваться?

– Прошу прощения? – пискнула она.

– Мне безумно любопытно, Рыжая. Полагаю, я увижу приватный танец, если отведу тебя в свой номер?

Джиджи едва не врезалась в дорожный знак. Она вытянула руки и схватилась за столб.

– О чем это вы?

– Женщины постоянно вешаются на меня. Почему ты должна вести себя по-другому?

– Я здесь не для этого, – нетерпеливо бросила она, пытаясь понять, что он имел в виду под «приватным танцем».

– Это значит секс, а его я могу получить в любом месте.

Ты должна повысить ставку, Рыжая.

Джиджи едва не упала. Секс? Она не предлагала ему секс! Кто тут вообще говорил о сексе?

Но он уже бежал вперед, и Джиджи подумала, что секс – последнее, что они обсуждали, и он уйдет, думая, что она... как Соланж.

Ее ноги отказывались двигаться дальше, и она просто стояла, наблюдая, как он удаляется.

– Я не собираюсь заниматься с вами сексом! – крикнула она ему вслед.

Глава 5

Прохожие оглядывались на ее гневный оклик, но Джиджи было все равно. Неужели этот отвратительный сексист думал, что она настолько не уважает себя, чтобы предложить ему свое тело? И ради чего? Ради повышения зарплаты!

Китаев остановился и бегом направился к ней. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Это что еще значит? – прорычал он.

– Я могла бы задать вам тот же вопрос. – Ее голос едва заметно дрогнул. – Так вы наложили свои лапы на «Синюю птицу»? Давили на Ахмеда аль-Хаммуда, пока он не поставил кабаре на кон?

– Интересная интерпретация. – Он прищурился. – Хорошо его знала, Рыжая, да?

Джиджи приказала себе не поддаваться на провокацию. Он делает это, чтобы привести ее в бешенство. Хочет, чтобы она ушла.

– Теперь, когда я увидел это место, я понимаю, почему он поставил его на кон, как ты выразилась. Мне надо было спастись.

– Неужели? – на выдохе произнесла она. – Сомневаюсь, что вы когда-нибудь пасуете. Вам нравится выигрывать, господин Китаев, а это означает, что кто-то должен проиграть. А я не намерена допустить, чтобы мы проиграли.

Он смотрел на нее так, словно она впервые по-настоящему заинтересовала его.

– И что же вы собираетесь делать, мисс Валенте?

– Бороться с вами.

Он почти улыбнулся.

– Вперед, – сказал он. – Сделай свой лучший выстрел.

– И сделаю! – Она воинственно вздернула подбородок. – Соланж Делон.

Она сказала это так, словно это было не имя, а какие-то волшебные слова. Очевидно, они должны были ему что-то сказать.

– Соланж Делон, – снова повторила она, уже с меньшей уверенностью, учитывая отсутствие ответа. – Вы пригласили ее выпить. Сегодня вечером.

Молчание.

Джиджи чувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Каким-то образом все пошло не так. Слабая улыбка тронула его красиво очерченные губы.

– Я просто считаю, что это неправильно, – нарушила она молчание. – Приглашать девушку из кабаре все равно что купить пластмассовую Эйфелеву башню в киоске у метро – просто сувенир из поездки.

– Вот что ты думаешь, Джиджи? – Тон его голоса был обманчиво мягким. – Или об этом ты тоже прочитала?

Джиджи колебалась. Все читали об этом. Мародер из России, который захватывал все, что только мог получить: куль-

турные артефакты, недвижимость, женщин.

– Я так понимаю, вы хотите сказать, что это неправда? – спросила она в напряженной тишине. Он не ответил. – Справедливости ради должна признать, что считаю некоторые утверждения явным преувеличением, – скороговоркой выпалила она, зная, что теряет почву под ногами.

– Возможно. – Он слегка улыбнулся краешком губ.

Джиджи покраснела. Она вовсе не собиралась обсуждать его личную жизнь. Она собиралась вести себя как профессионал!

– Я уже говорил, что женщины все время на меня вешаются.

– Видимо, не могут устоять перед вашей красотой, – неохотно признала она и тут же отругала себя: нечего называть его красивым!

– Я собирался сказать, что деньги странно влияют на людей. – Он смотрел на нее так, словно она зачаровывала его. – Но если ты собираешься забросать меня комплиментами, Джиджи, ты могла бы выбрать то, на что я могу ответить, – лениво проговорил он с жестким русским акцентом, словно наслаждался происходящим. – Большинство мужчин не обрадуются, если их назвать красивыми.

– Я говорю объективно, – сухо сказала она. – Вполне очевидно, что вы привлекательны...

– Это чуть хуже, чем красивый? Продолжай.

Джиджи вспыхнула.

– Слушайте, я не собираюсь стоять здесь и обсуждать вашу внешность!

– Я тебе нравлюсь.

– Ничего подобного! Вы вообще не в моем вкусе!

– А кто в твоём вкусе?

– Чувственный, заботливый, любит животных, любит свою маму...

Джиджи сама не знала, как они перешли на эту тему, но, если он хочет знать – пожалуйста.

– Гей?

Джиджи чуть не подавилась. Она уперла руки в свои бедра.

– Вы рассуждаете стереотипами, как настоящий гомофоб!

– Я не гомофоб, – улыбнулся он, – я просто быстро меняю свое мнение о тебе, Рыжая.

– Да? Ну и что же это за мнение?

– Ты не станешь заниматься со мной сексом, но ты будешь надоедать мне, чтобы я дал тебе то, что ты хочешь.

Джиджи покраснела и сказала себе, что лучше уж быть надоедливой язвой, чем позволить ему думать, что она готова торговать собой.

– Вы сами спросили о моих предпочтениях, – начала защищаться она. – Простите, если я вас раздражаю, но это вы попросили меня бежать с вами.

– Тебе пора поменять свои предпочтения.

Сейчас он открыто ей улыбался, но вместо того, чтобы

почувствовать раздражение, она поняла, что сердце ее заби-
лось быстрее. Джиджи поняла, что отвлекается.

Он был прав, ей надо изменить свои вкусы. Но она все
равно никогда не выбрала бы его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.